

Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации

Д.Г. Евстафьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российский университет дружбы народов

Цель статьи заключается в формировании рамочного определения понятия «посткапитализм». Современный мир постмодерна переживает серьёзный институциональный кризис. Одновременно рушатся его экономическая опора, основанная на доминировании финансового капитализма, и социальная основа – универсальная модель социального развития, выстроенная вокруг универсалистской модели потребления.

Дискурсы посткапитализма в российской и западной научной и экспертной среде имеют разные характеристики. Однако в обоих случаях они с одной стороны, отражают осознание тупиковости развития в рамках существующих моделей глобализации, с другой, становятся признанием изменения капитализма как универсалистской социально-экономической системы, лежащей в основе и межгосударственного взаимодействия. В статье подчёркивается неизбежность возрастающего влияния неэкономических факторов на развитие социально-экономических систем, включая их роль в международных отношениях.

Посткапитализм представляет собой скорее набор принципов организации пространств, выстраивания внутри них системы экономических и политических связей, чем модель развития. Будучи элементом возврата к пространственному миру, посткапитализм обсуждается преимущественно в контексте международных процессов как переходный период в международных политических и экономических отношениях.

Ключевые слова: глобализация, постиндустриальное общество, глобальные трансформации, посткапитализм, силовая геоэкономика, геоэкономические макрорегионы

УДК 316:330.1:327

Поступила в редакцию: 05.06.2023

Принята к публикации: 08.12.2023

Дискурс о «посткапитализме» как рефлексия трансформации глобализации

Появление и в отечественном, и в общемировом дискурсе темы «посткапитализма» неслучайно. Дискуссия относительно характера социально-экономических отношений в период поздней глобализации развивается уже более 20 лет. Симптоматичной в этом плане была работа крупнейших европейских социологов Л. Болтански и Э. Кьяпелло «Новый дух капитализма», впервые изданная на французском языке в 1999 г. и концептуально продолжавшая традиции «школы конвергенции». Ключевой посыл данной работы заключается в том, что устойчивость капитализма определяется его способностью к социальной и социокультурной адаптации, выводящей его за пределы просто экономической системы, построенной на максимизации прибыли (Болтански, Кьяпелло 2010). Данная работа не стала поворотным пунктом в развитии «новой социологии капитализма», но создала новый в методологическом отношении вектор, фактически легализовав в западном социологическом и политологическом дискурсе идею о том, что капитализм является чем-то большим, нежели система, выстраиваемая вокруг рыночных отношений. Это уже не могло быть сведено к остаточному «шлейфу» концепции конвергенции (Toffler 1981), к началу XXI в. утратившей и социальную, и методологическую актуальность. Главным отличием было то, что «расширения» рыночных отношений лежали не в социально-идеологической сфере, как это в основном мыслилось в диалектике «капитализм-социализм», а в социальной, затрагивая механизмы потребления, то есть, основу потребительского глобализируемого капитализма. Актуальный дискурс направлен не на конкуренцию с принципиально иной социально-экономической моделью, а внутрь модели, условно именуемой «капитализмом».

В постсоветской России вопрос о необходимости рассмотрения современного капитализма не только как экономической системы поднимался ещё раньше. Обратим внимание на знаковую статью В. Иноземцева¹ «Концепция постэкономического общества» (Иноземцев 1997), в которой формулировалась триада: доэкономическое общество, экономическое и постэкономическое, в котором значение социальных отношений резко увеличивается по сравнению с производственными. Акцентирование неэкономической составляющей капитализма на этапе нарастающей глобализации было связано с доминированием в тогдашнем российском социально-экономическом мейнстриме идеи, оказавшейся во многом правильной: о необходимости опережающего развития социальной среды для рыночных отношений, включая институты гражданского общества и среду потребления.

¹ В мае 2023 г. В. Иноземцев признан в России иностранным агентом.

Рубежной для формулирования подходов к посткапитализму стала политэкономическая работа Э. Гидденса «Ускользающий мир» (Giddens 2003), в которой был сформулирован тезис о недостаточности суверенного капитализма для развития полноценной глобализации. Данный тезис стал фактически идеологической основой позднего постиндустриального постмодерна, претендовавшего сперва на социальную, а затем – на политико-идеологическую универсальность. Гидденс, формулируя свои выводы, опирался преимущественно на социально-экономическую методологию; речь шла об адаптации глобализации к конкретным историческим условиям («глокализации»). Именно Э. Гидденс сформулировал потребность в дезэкономизации глобализации, в которой наиболее значимыми становились не экономические, а социально-политические и социокультурные стороны. В этом и состоят базовые идейные основы посткапитализма. Возникновение дискуссии о дальнейшем развитии капитализма отражало недостаточность классической версии капитализма как модели развития, пределы расширения которого уже были почти достигнуты.

Дискуссия ускорилась после финансового кризиса 2008–2009 гг., продемонстрировавшего глубину возможных структурных дестабилизаций при приближении постиндустриального капитализма к пространственным границам развития при сохранении относительной суверенности крупнейших в экономическом плане государств мира. С этого момента ключевой линией развития постмодерна стала десуверенизация (Фукуяма 2019). Подобные идеи присутствовали и ранее, но теперь они стали флагманскими. Иными словами, нынешний этап развития архитектуры глобальной политики и экономики можно охарактеризовать как переход от «сетевого капитализма» и «капитализма государств» и их коалиций (таких, как ЕС, АСЕАН и проч.), конкурировавших между собой, к «капитализму пространств», которые могут выстраиваться и управляться вариативно, в зависимости от геополитической и, в меньшей степени, политической ситуации.

После кризиса 2008–2009 гг. начали господствовать настроения «структурного пессимизма», основанные на признании неэффективности актуального на тот период капитализма (его финансово-инвестиционной версии, всё больше отрывавшейся от реального экономического содержания) как инструмента развития (Сален 2015), причём неэкономические составляющие постиндустриализма рассматривались как важнейшие (Горц 2010). Формировалась идея о принципиальном отличии постиндустриального капитализма от других вариантов рыночной экономики и необходимости применения к её изучению принципиально иной методологии (Ионин 2017). В этом смысле появление в глобальном, а затем и в российском дискурсе вопроса о посткапитализме не является разрывом тех дискуссий, которые велись на протяжении последних двух десятилетий, а напротив развивают их применительно к новой ситуации, но в пределах либерального дискурса (Kumar 2004; Шумкоски 2022; Срничек 2020).

В настоящее время наблюдается новый всплеск интереса к посткапитализму как к экономико-социальной системе с негласным признанием неизбежности её гибридного характера, включающего как экономические, так и социокультурные элементы, замещающие на уровне социального поведения «большие» комплексные идеологии (Коллиер 2021: 73).

Всплеск интереса к посткапитализму связан с четырьмя факторами. Во-первых, с разочарованием в техно-оптимистических концепциях будущего, доминировавших в западном социологическом и экономическом дискурсе не только в предпандемийный период, но и сразу после него (Урри 2018; Гринфилд 2019; Диамандис, Котлер 2021; Болдуин 2018). Данное обстоятельство хорошо заметно по эволюции ключевого идеологического посыла «давосского консенсуса» от техно-оптимистической и, по сути, антигуманистической концепции нейрофикации человека к капитализму «всеобщего блага» (Шваб, Дэвис 2019; Шваб, Ванхэм 2022).

Во-вторых, глобальная система экономической взаимозависимости, которая длительное время находилась в состоянии «предхаоса» в связи с откладыванием демонтажа её ключевых компонентов по политическим соображениям, всё-таки стала расформировываться (Евстафьев 2021). Начался «большой передел» глобальной экономики, в том числе с возможным изменением характера экономического базиса в ряде региональных экономических систем, что, впрочем, предсказывалось западными экономистами (Спенс 2013). Вариативность экономической базы глобализации допускалась в большей степени, чем вариативность социокультурной её составляющей, которая продолжает рассматриваться даже сейчас с позиций акцентированного универсализма.

В-третьих, происходит легализация «силовой геоэкономики» как основы для конкуренции ключевых государств за статус ядер макрорегионов. Уровень допустимого насилия во внешней политике и внешнеэкономической деятельности сегодня в целом вырос, что вызывает тревогу сторонников классических форматов американского глобального доминирования (Nye 2018). Этот процесс привёл к глубочайшему кризису институтов и формированию принципиально новых геоэкономических протопространств, альтернативных традиционным. Такими пространствами, уже на данном этапе получившими существенный потенциал, следует назвать польский проект «Междуморье» и проект активно реализуемый Р.Т. Эрдоганом «Турецкий мир», где Турция становится не просто экономическим, но и военно-политическим «хабом» (Аватков, Гузаеров 2023).

В-четвёртых, универсалистские модели социального развития, основанные на глобализированной модели избыточного социального потребления при постепенном транзите от преимущественного потребления товаров и услуг к потреблению ощущений, находятся в кризисе. Это одновременно создавало увеличивающийся запрос на неэкономические модели управления общественными процессами, выходящими за рамки характерного для периодов относительной экономической стабильности и синергии развития «каскадирования»

социально-политических нарративов (Кастельс 2016) в условиях фиктивности ключевых социальных институтов в развивающихся странах и возникновения эффекта социальной «пустоты» (Майр 2019).

Особенностью сегодняшнего разворота темы «посткапитализма» являются вопросы о его внутренних системных свойствах, рассмотрение его в контексте международного взаимодействия, причём, как политического, так и экономического. Это связано с тем, что ключевым вопросом формирования мира неоглобальности является вопрос о формах национального или коалиционного суверенитета, механизмах его обеспечения и пределах суверенности в мире, где сохраняется значительный вес надпространственных систем, изначально построенных по принципу несuverенности.

Сформулируем первую констатацию: запрос на посткапитализм является результатом системного кризиса, затронувшего все основные составляющие постиндустриального капитализма, поэтому он проявляется комплексно, но первично в сфере политики и социокультурных отношениях, создавая ощущение своего идеологического характера. Важным элементом обсуждения темы посткапитализма становится анализ последствий трансформации современной глобальной экономической системы и международной политики. Помимо разрыва базовых связей экономической взаимозависимости происходит общая трансформация, обуславливающая движение от мир-системности, лежавшей не только в основе методологической оценки «больших экономических систем», но и для оценки перспектив развития глобальной экономики (Валлерстайн 2018), – к регионализации, представлявшей собой существенно более комплексный феномен. Регионализация воспринималась как геоэкономическое явление, хотя с самого начала предполагала чрезвычайно высокое значение инструментария безопасности, понимаемого, впрочем, максимально широко.

Внимание в России к международному аспекту посткапитализма обострено ещё и поиском Россией и российской элитой своего места в формирующейся системе международных политических и экономических отношений, обострённого пониманием того, что подавляющая часть прежних концептов не является больше актуальной.

Гипотезы и предположения

Концепт посткапитализма основывается, с одной стороны, на сохранении рыночной модели как основы организации внутренней экономической системы, и, с другой, на допущении присутствия в этой модели неэкономических (социальных, политико-идеологических и иных) элементов, которые действуют, в качестве ограничителей рыночности. При этом эти ограничители могут быть продуктом как внутренних процессов в отдельной социально-экономической системе (административно-политическое ограничение потребления по тем или

иным причинам, обязательные социально-экономические действия, культурно-национальные ограничения), так и внешних (прежде всего, санкционная политика).

Сформулируем несколько базовых предположений:

Предположение 1. Концепт посткапитализма, отражая осмысление в элитах развитых государств последствий кризиса модели развития на базе постиндустриального постмодерна, направлен на выработку модели превращения распада американоцентричной глобализации в относительно управляемый процесс, сохраняющий за США возможности управления макропроцессами за счёт неэкономических факторов. Естественно, что ключевым пространством реализации модели посткапитализма пока является контур межгосударственного взаимодействия; посткапитализм пока мало затрагивает внутреннюю экономику. Это средство реформатирования системы внешних экономических связей, отражающей кризис сформировавшейся к началу 2020-х гг. политико-экономической архитектуры мира. Посткапитализм стратегически нацелен на формирование пространства для фундаментальных структурных изменений политической и экономической архитектуры мира.

Предположение 2. Дискурс посткапитализма отражает объективно существующее понимание кризиса постиндустриального капитализма, прежде всего как основы глобализации с доминирующей ролью надпространственных систем. Речь идёт о невозможности в дальнейшем поддерживать динамизм глобализации только за счёт догоняющего потребления и в целом ввиду универсализации «общества потребления» как драйвера развития. Переход на новый технологический (а в действительности – социально-экономический) уклад возможен только при ограничении потребления, а с учётом общей ситуации в мире – сокращении ареала «вовлечения» в новую глобализацию.

Предположение 3. Кризис «постиндустриального» связан с кризисом социальной (фактически гибридной: социально-экономической и социокультурной) среды его проявления. Вне социокультурной среды постмодерна, причём постмодерна мегаполисов (глобальных городов) современный постиндустриализм развиваться не может. Постмодерн мегаполисов, относительно демократичный, характеризуемый сравнительно слабыми социальными связями и мягкой регуляторикой, в силу особенности внешнеполитических процессов превращается в ужесточающуюся идеологическую «рамку». Возникает противоречие: постмодерн является средой существования для постиндустриализма, но одновременно именно постмодерн, перерастающий из социокультурной среды в политико-идеологическую, выхолащивает основное содержание капитализма как такового. Насколько же много капитализма останется в посткапитализме, вернее в его конкретных пространственных моделях? Подобная неэкономическая рамка не может быть основой для долгосрочной устойчивой модели геο-экономического взаимодействия, с одной стороны, заменяющей американоцен-

тричную глобализацию на основе финансово-инвестиционного капитализма, а с другой, позволяющей в перспективе формировать устойчивую в институциональном плане систему международных отношений.

Предположение 4. Обсуждение темы посткапитализма в России и на Западе разнонаправлено. Дискурс посткапитализма на Западе до известной степени противостоит нынешнему курсу США на усиление консолидации «коллективного Запада» на базе идеологических, неэкономических факторов, что практически реализует парадигму «доминирования» в противовес концепции «лидерства», которая в существенно большей степени соответствует посткапитализму (Бжезинский 2004). В России дискурс посткапитализма отражает поиск модели интеграции в мировые процессы, на основе признания «особости» положения России и невозможности свести вопросы развития к адаптации её политической и экономической системы к форматам развития «цивилизованного» (западного) мира. Это формирует принципиальное противоречие: на Западе посткапитализм рассматривается как система, в России дискурс преимущественно развёрнут в сферу международного взаимодействия.

Пять вопросов о посткапитализме

Исходя из такого понимания, наиболее принципиальным в оценке посткапитализма как социально-экономического явления представляется следующий вопрос: что есть посткапитализм с точки зрения сочетания социально-экономических составляющих, и может ли это быть просто технологическая трансформация постиндустриального постмодерна на базе неограниченной цифровизации экономики? В принципе, возможна ли реализация посткапитализма в рамках существующей ныне социально-экономической парадигмы постиндустриального постмодерна? Этот вопрос вполне резонно встал в центре российской части дискурса относительно посткапитализма (Акоров, Krivokhizh 2019; Kuznetsov 2020), отражая понимание кризиса стратегического целеполагания в российской политике и экономическом развитии, ранее основывавшемся на идее плотной интеграции России в глобальную, по сути, американоцентричную экономику, но при сохранении относительно широких рамок политического суверенитета и социокультурной самобытности. Развитие отношений России и Запада в 2019–2023 гг., а также геоэкономический «разворот на Восток» при всей условности этого термина, выводит Россию в такое комплексное операционное пространство, где парадигма постиндустриального постмодерна уже не является доминирующей (Кортунов 2017; Кузнецов 2021). Вероятнее всего, можно предположить, что посткапитализм является не состоянием, а процессом, в котором сформируются различные, адаптированные под конкретные реалии модели не просто экономического, но социально-экономического поведения.

Из этого вытекает и второй принципиальный вопрос: что будет являться доминирующим драйвером трансформаций системы мировой экономики, существовавшей длительное время в формате постиндустриального постмодерна: политика, точнее – геополитическая целесообразность формирования новых комплексно защищённых пространств, переформатированные связи экономической взаимозависимости или новая социальность, выражающаяся не просто в актуализации идентичностей, которые и раньше рассматривались идеологами глобализма как сдерживающий фактор (Фукуяма 2019), но и в трансформации идентичностей в полноценный источник социально-экономического и социально-политического поведения, что традиционно рассматривалось как источник рисков междивизиационного противоборства (Huntington 1996). Отметим отсутствие чёткой методологической основы для оценки неэкономической составляющей постиндустриального постмодерна и его возможных деривативов в мире неоглобальности (Josephson-Storm 2021). В российском политическом дискурсе вопрос о внешнеполитических и внешнеэкономических проявлениях посткапитализма выходит на первый план по объективным причинам. При этом внешнеполитические проявления посткапитализма будут проекцией его свойств по структуризации и модернизации соответствующих внутренних социально-экономических пространств, на, прежде всего, ценностной основе.

В ряде российских толкований посткапитализма он рассматривается как некая антитеза социальной революции как инструмента трансформаций и стимулирования развития с выходом за жёсткие рамки теории общественных формаций (Давыдов 2021). В таком случае мы получаем образ посткапитализма как некоего «анти-неосоциализма» и просто попытку социо-технологического перехвата т. н. «левого разворота», который ожидался в начале 2020-х гг.

Поставим третий вопрос: насколько посткапитализм как система экономических связей будет претендовать на универсальность так, как это делала модель постиндустриального финансово-инвестиционного капитализма, подкрепляемая социокультурной парадигмой постмодерна. А главное, – могут ли сосуществовать различные версии посткапитализма, возможно конкурируя друг с другом. Ответ на этот вопрос является принципиально важным для межгосударственных отношений; он также определит характер идеологических консолидаторов систем/обществ/стран, формирующихся на базе различных версий посткапитализма. Если посмотреть в исторической перспективе, то посткапитализм возвращает нас к вопросу о различиях во внешнеполитическом поведении государств, порождаемых внутренней «социально-политической» культурой (Cooper 2000). Главный вопрос в том, что посткапитализм с учётом фактической легализации цивилизационной геоэкономики, является естественным результатом возвращения к пространственности, даёт существенно большие возможности для проявления тех факторов, которые считались традиционно «иррациональными», но в новых условиях включаются в рационалистические системы оценок той или иной внешнеполитической ситуации. Мир посткапи-

тализма как процесса формирования неуниверсальных, адаптированных под конкретное пространство моделей поведения существенно меняет баланс между «рациональным» и «иррациональным» в экономическом и политическом поведении акторов глобальной политики и экономики, более того, существенно изменяет понимание «иррациональности». Это возвращает нас к Предположению 2, о том, насколько удастся в процессе формирования моделей посткапитализма сохранить рационалистические основания капитализма как экономической и социально-экономической системы.

Сформулируем четвёртый базовый вопрос: какова может быть экономическая, в первую очередь, ресурсная база посткапитализма; если упростить: откуда будет извлекаться «рента развития», на базе которой будут формироваться регулирующие институты в рамках базовой и глокализованных моделей. Не создаёт ли вариативность экономической базы, связанной с регионализацией мировой экономики? Последнее особенно актуально в силу возникновения в процессе трансформации значимых пространств социально-экономической деструкции, которые могут быть заполнены практически любыми вариантами хозяйственных связей. Этот вопрос имеет прямое отношение к вопросам внешней политики, определяя наиболее приоритетные фокусные аспекты межгосударственной конкуренции. Из этого же вытекает вопрос о противоречиях в методологических основах целеполагания различных участников системы международных политических и экономических отношений. В действительности ответ на этот вопрос даст понимание, насколько сегодняшняя активизация дискурса посткапитализма и попытка апробации отдельных его элементов в практической политике отдельных государств является ситуативной реакцией на проявления кризиса американоцентричности, которая была основой глобализации, а насколько отражает долгосрочные развития и процесс деуниверсализации моделей не только социального развития (что сейчас вполне очевидно), но и экономического. В сущности, это и есть ключевой вопрос современных глобальных трансформаций.

Наконец, пятый, базовый вопрос: кто будет главными акторами посткапитализма? Это определит формат будущей институционализации, а также основные принципы конкуренции между ключевыми игроками. Эта тема заслуживает глубокого отдельного исследования. Выскажем предположение, что и постглобальный мир в целом, и различные локализованные варианты посткапитализма (в рамках формирующихся макрорегионов) могут быть сформированы не только на базе национальных государств. Скорее, неоглобальный мир будет миром «больших систем» различного типа, конкретное сочетание которого будет определяться историей того или иного региона, его культурой и т. п. Такими «большими системами» могут быть и национальные государства, и их коалиции, и корпоративные структуры, а в ряде случаев – и наднациональные структуры. Главным методологическим вопросом будет характер интегрирующих связей между этими акторами, в основе которых не обязательно будет экономика.

Заключение

Посткапитализм есть рамочное понятие, охватывающее широкий круг предположений о возможных дальнейших направлениях трансформации экономических систем, предполагающих выход за рамки актуальной на конец 2010-х гг. системы глобальной геоэкономической, технологической и финансово-инвестиционной зависимости, предполагавшей США в качестве бесспорного «ядра» ключевых экономических и политических процессов.

С определёнными допущениями посткапитализм можно было бы считать вариантом «ситуативной политизированной экономики», в котором отсутствие твёрдых правил поведения (своего рода «экономический постмодерн») становится инструментом повышения конкурентоспособности, прежде всего, на внешнем контуре. С исторической точки зрения посткапитализм можно отнести к специфическим проявлениям геоэкономического ревизионизма, но с учётом особенностей современного, с одной стороны, глобального, но с другой стороны, гибридного политико-экономического пространства. Значит сам по себе дискурс является свидетельством кризиса современной не только политической, но и экономической архитектуры.

Главная авторская констатация сводится к тому, что ориентация дискурса посткапитализма на внешнеполитические вопросы отражает реальность: первичной сферой межсистемного взаимодействия, где проявятся особенности посткапитализма, будет сфера внешнеэкономического и в целом международного взаимодействия.

Посткапитализм не может рассматриваться как полноценная модель социально-экономического развития. Он слишком вариативен и может отличаться в зависимости от конкретного пространства проявления и социально (с точки зрения опорных социальных групп и доминирующего типа социальных институтов), и идеологически (от авторитаризма до идеократической демократии). Именно поэтому посткапитализм пока выглядит как набор ситуативно используемых инструментов экономического и социально-экономического управления, в силу особенностей ситуации в мире (деградация правовых основ международных экономических и политических отношений) в наибольшей мере востребованных во внешней политике. Это облегчается тем, что концепт изначально ситуативно адаптивен к конкретным историческим и пространственным условиям и будет отражать нарастание элемента «самобытности» в глобальной политике, как минимум, по форме (Цыганков, Цыганков 2022).

Главный вывод сводится к следующему: посткапитализм – скорее набор принципов организации пространства/пространств, выстраивания внутри них системы социально-экономических и социально-политических связей, а не модель развития. С одной стороны, посткапитализм есть элемент возврата к пространственному миру и совершенно логично, что он обсуждается преимуще-

ственно в контексте международных процессов, а с другой, посткапитализм всё же является частью инструментария переходного периода в международных политических и экономических отношениях.

Посткапитализм постепенно перестаёт быть лишь теоретической конструкцией, существующей «на кончике пера». Отдельные его элементы, например ограничения рыночных отношений по идеологическим причинам, идеологически мотивированные ограничения социального и личного потребления апробируются уже сейчас. В дальнейшем мы столкнемся с любопытным феноменом: будучи по форме проявлением дезэкономизации глобальных процессов в условиях слома относительно длительно существовавшей политико-экономической системы дискурс отражает процесс «отрицания» моделей экономического взаимодействия и развития, сформировавшихся и считавшихся универсальными в период поздней глобализации, легализуя уже сформировавшийся процесс постепенного внесения в экономику, включая и межгосударственную экономическую конкуренцию, элементов внеэкономического регулирования. Дискурс посткапитализма носит трансформационный характер и в силу этого политизирован. Но по мере консолидации новой глобальной геоэкономической архитектуры посткапитализм как понятие будет приобретать всё более экономизированный характер, но главное, он будет затрагивать модели экономического развития внутри соответствующих стран. Из преимущественно востребованного на «внешнем» контуре, он может начать использоваться для управления внутренними социально-экономическими процессами.

Об авторе:

Дмитрий Геннадиевич Евстафьев – кандидат политических наук, профессор Института медиа Факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики. 109028, Москва, Хитровский переулок, д. 2/8, стр. 5. E-mail: devstafiev@hse.ru; профессор кафедры теории права и государства Российского университета дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: estd1212@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

UDC 316:330.1:327

Received: June 5, 2023

Accepted: December 8, 2023

The Discourse of Post-capitalism as a Reflection of the Crisis of Globalization

 D.G. Evstafiev[DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-207-222)

HSE University

Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: The primary objective of this article is to construct a comprehensive conceptual definition of "post-capitalism." The contemporary global landscape, characterized by post-modernity, is currently undergoing a profound institutional crisis. This crisis impacts both its economic underpinnings, rooted in the dominance of financial capitalism, and its societal foundations, which revolve around a universal model of social development built upon a universalist model of consumption.

Discourses surrounding post-capitalism within Russian and Western academic and expert circles exhibit unique characteristics. However, they share common traits. On one hand, these discourses reflect an acknowledgment of the impasses inherent in existing models of globalization. On the other hand, they recognize the transformation of capitalism as a universal socio-economic system that forms the bedrock of international relations. This article underscores the inescapable rise of non-economic factors influencing socio-economic systems' development, including their role in shaping international relations.

Post-capitalism is best understood as a collection of principles guiding spatial organization and the establishment of economic and political relationships within these spaces, rather than a specific developmental model. Positioned as an element within the broader return to a spatiality, post-capitalism is predominantly discussed within the context of international processes, serving as a transitional phase in international political and economic relations.

Keywords: economic globalization, post-industrial society, global transformations, geo-economics, post-capitalism, geo-economic regions

About the author:

Dmitry G. Evstafiev – Candidate of Political Sciences, Professor, Institute of Media, Faculty of Creative Industries, National Research University – Higher School of Economics. Hitrovsky per., bld. 2/8-5, Moscow, 109028. E-mail: devstafiev@hse.ru; Professor, Department of Theory of Law and State, Peoples' Friendship University of Russia. Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, 117198. E-mail: estd1212@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Akopov S.V., Krivokhizh S.V. 2019. *Symbolic Representations of "Sovereignty" in Modern Political Discourse (Comparative Analysis of Contemporary Discourse from France, USA, Russia and China)*. Higher School of Economics Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 65/PS/2019.

- Cooper R. 2000. *Post-Modern State and the World Order*. London: Demos. 44 p.
- Giddens A. 2003. *Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives*. New York: Routledge. 104 p.
- Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon&Shuster. 367 p.
- Josephson-Storm J.A. 2021. *Metamodernism. The Future of Theory*. Chicago IL: University of Chicago Press. 360 p.
- Kumar K. 2004. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*, 2nd edition Wiley-Blackwell. 304 p.
- Kuznetsov V.A. 2020. Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality the Middle Eastern Case. *Russia in Global Politics*. №2. P. 132–154.
- Nye J.Jr. 2018. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. *Foreign Affairs*, January, 24.
- Toffler A. 1981. *The Third Wave. The Classic Study of Tomorrow*. New York: Random house, Bantam books. 537 p.
- Avatkov V.A., Guzayerov R.I. 2023. «Mir bol'she pyati», ili spravedlivost' po-turetski ["The World is More than Five", or Justice in Turkish]. *Sovremennaya Evropa*. 1(115). P. 194–201. (In Russian)
- Bespalaya O.P. 2014 Posle postmoderna: al'termodern, transmodern, postpostmodern [After Postmodern: Altermodern, Transmodern, Postpostmodern]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. №3. P. 20–22. (In Russian)
- Bolduin R. 2018. *Velikaya konvergentsiya. Informatsionnyye tekhnologii i novaya globalizatsiya* [The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization]. Ed. by A.Belykh. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. 416 p. (In Russian)
- Boltanski L., K'yapello Ev. 2010. *Novyy dukh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 976 p. (In Russian)
- Bzhezinskiy Z. 2004. *Vybor: Global'noye gospodstvo ili global'noye liderstvo* [The Choice]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 288 p. (In Russian)
- Davydov D.A. 2021. *Postkapitalizm i rozhdeniye personaliteta* [Post-capitalism and the Birth of Personalities.]. Moscow: RIPOL klassik. 336 p. (In Russian)
- Diamandis P., Kotler S. 2021. *Budushcheye bystreye, chem vy dumayete. Kak tekhnologii menyayut biznes, promyshlennost' i nashu zhizn'* [The Future Is Faster than You Think. How Technology is Changing Business, Industry and Our Lives.]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber. 336 p. (In Russian)
- Evstafiev D. 2023. Koalitsionnyy suverenitet Yevrazii v epokhu «postekonomiki» [Coalition Sovereignty of Eurasia in the Era of "Post-Economy"]. *Evraziya.ekspert*. URL: https://eurasia.expert/koalitsionnyy-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase_id=50841 (accessed: 20.12.2023). (In Russian)
- Evstafiev D.G. 2021. Predkhaos kak srednesrochnoye sostoyaniye global'noy politiki i ekonomiki [Prechaos as a Medium-Term State of Global Politics and Economics]. *Ekonomicheskkiye strategii*. №1. P. 22–29. (In Russian)
- Fukuyama F. 2017. *Ugasaniye gosudarstvennogo poryadka* [The Decline of the State Order]. Moscow: Izdatel'stvo AST. 704 p. (In Russian)
- Fukuyama F. 2019. *Identichnost': stremleniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: the Desire for Recognition and the Politics of Rejection]. Moscow: Al'pina Publisher. 256 p. (In Russian)

Gorts A. 2010. *Nematerial'noye. Znaniye, stoimost', kapital* [Non-material. Knowledge, Value, Capital]. Moscow: Izdatel'skiy dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshaya shkola ekonomiki. 208 p. (In Russian)

Grinfild A. 2019. *Radikal'nyye tekhnologii: ustroystvo povsednevnoy zhizni* [Radical Technologies: the Organization of Everyday Life]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. 474 p. (In Russian).

Inozemtsev V. L. 1997. Kontseptsiya postekonomicheskogo obshchestva [The Concept of Post-Economic Society]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. №4. P. 71–78. (In Russian)

Ionin L. G. 2007. *Sotsiologiya v obshchestve znaniy: ot epokhi moderna k informatsionnomu obshchestvu* [Sociology in the Knowledge Society: from the Era of Modernity to the Information Society]. Moscow: Izdatel'skiy dom GU VSHE. 431p. (In Russian)

Kastel's M. 2016. *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Ed. by A.I. Chernykh. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VSHE. 564 p. (In Russian)

Kolliyer P. 2021. *Budushcheye kapitalizma* [The Future of Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. 376 p. (In Russian)

Kortunov A.V. 2017. Ot postmodernizma k neomodernizmu, ili Vospominaniya o budushchem [From Postmodernism to Neomodernism, or Memories of the Future]. *Rossiya v global'noy politike*. №1. (In Russian)

Kuznetsov D.A. 2021. Sootnosheniye transregionalizatsii i globalizatsii v mirovoy politike [Correlation between Transregionalization and Globalization in World Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. №5. P. 65–80. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80 (In Russian)

Mayr P. 2019. *Upravlyaya pustotoy. Razmyvaniye zapadnoy demokratii* [Managing the Void. The Erosion of Western Democracy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 216 p. (In Russian)

Salen P. 2015. *Vernut'sya k kapitalizmu, chtoby izbezhat' krizisom* [Return to Capitalism to Avoid the Crisis]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. 272 p. (In Russian)

Shumkoski G. 2022. Global'nyy transfer neoliberal'nykh modeley i doktrina suverennogo gosudarstva [Global Transfer of Neoliberal Models and the Doctrine of the Sovereign State]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. №4. P. 771–787. (In Russian)

Shvab K., Devis N. 2019. *Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo. 320 p. (In Russian)

Shvab K., Vankhem P. 2022. *Kapitalizm vseobshchego blaga: novaya model' mirovoy ekonomiki* [Common Good Capitalism: A New Model for the World Economy]. Moscow: Eksmo. 352 p. (In Russian)

Spens M. 2013. *Sleduyushchaya konvergentsiya. Budushcheye ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh* [The Next Convergence. The Future of Economic Growth in a World Living at Different Speeds]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 336 p. (In Russian)

Srnichek N. 2020. *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. 128 p. (In Russian)

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. 2022. Global'nost' i samobytnost' v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Globality and Originality in the Theory of International Relations]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. №1. P. 7–16. (In Russian)

Urri Dzh. 2018. *Kak vyglyadit budushcheye* [What the Future Looks Like]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. 320 p. (In Russian)

Wallerstein I. 2018. *Mirosistemnyy analiz. Vvedeniye* [World-System Analysis. Introduction]. Moscow: URSS: LENAND. 304 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Аватков В.А., Гузаеров Р.И. 2023. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки. *Современная Европа*. 1(115). С. 194–201.
- Беспалая О. П. 2014 После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. №3. С. 20–22.
- Бжезинский З. 2004. *Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство*. Пер. с англ. Москва: Международные отношения. 288 с.
- Болдуин Р. 2018. *Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация*. Пер. с англ. О. Левченко по научн. ред. А.Белых. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 416 с.
- Болтански Л., Кьяпелло Эв. 2010. *Новый дух капитализма*. Москва: Новое литературное обозрение. 976 с.
- Валлерстайн И. 2018. *Миросистемный анализ. Введение*. Пер. с англ., Вступительная статья и прил. Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2е, испр. Москва: УРСС: ЛЕНАНД. 304 с.
- Горц А. 2010. *Нематериальное. Знание, стоимость, капитал*. Пер. с немецкого и французского. Москва: Издательский дом Государственного университета Высшая школа экономики. 208 с.
- Гринфилд А. 2019. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. Пер. с англ. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 474 с.
- Давыдов Д.А. 2021. *Посткапитализм и рождение персоналитета*. Москва: РИПОЛ классик. 336 с.
- Диамандис П., Котлер С. 2021. *Будущее быстрее, чем вы думаете. Как технологии меняют бизнес, промышленность и нашу жизнь*. Пер. с англ. Москва: Манн, Иванов и Фарбер. 336 с.
- Евстафьев Д. 2023. Коалиционный суверенитет Евразии в эпоху «постэкономики». Интернет-портал «Евразия.эксперт». URL: https://eurasia.expert/koalitsionnyu-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase_id=50841
- Евстафьев Д.Г. 2021. Предхаос как среднесрочное состояние глобальной политики и экономики. *Экономические стратегии*. №1. С. 22–29.
- Иноземцев В.Л. 1997. Концепция постэкономического общества. *Социологический журнал*. №4. С. 71–78.
- Ионин Л.Г. 2007. *Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ. 431 с.
- Кастельс М. 2016. *Власть коммуникации*. Под научной редакцией А. И. Черных. Пер. с англ. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. 564 с.
- Коллиер П. 2021. *Будущее капитализма*. Пер. с англ. Москва: Издательство института Гайдара. 376 с.
- Кортунов А.В. 2017. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. *Россия в глобальной политике*. № 1.
- Кузнецов Д.А. 2021. Соотношение трансрегионализации и глобализации в мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. №5. С. 65–80. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-65-80
- Майр П. 2019. *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. Пер. с англ. Москва: Издательство Института Гайдара. 216 с.

Сален П. 2015. *Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисом*. Пер. с франц. Москва: Издательство института Гайдара. 272 с.

Спенс М. 2013. *Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях*. Пер. с англ. Москва: Издательство Института Гайдара. 336 с.

Срничек Н. 2020. *Капитализм платформ*. Пер. с англ. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 128 с.

Урри Дж. 2018. *Как выглядит будущее*. Пер. с англ. Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 320 с.

Фукуяма Ф. 2017. *Угасание государственного порядка*. Москва: Издательство АСТ. 704 с.

Фукуяма Ф. 2019. *Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия*. Пер. с англ. Москва: Альпина Паблишер. 256 с.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2022. Глобальность и самобытность в теории международных отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. №1. С. 7–16.

Шваб К., Ванхэм П. 2022. *Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики*. Пер. с англ. Москва: Эксмо. 352 с.

Шваб К., Дэвис Н. 2019. *Технологии четвертой промышленной революции*. Пер. с англ. Москва: Эксмо. 320 с.

Шумкоски Г. 2022. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. №4. С. 771–787.